

Роман
Сидоркин

Моя Посессия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Игоревич Сидоркин

Моя посессия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42318131

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодой человек, которому было скучно. Нелепая скука заводит его в такие глубины страдания и разрушения, что это может предостеречь остальных, кто также, как он, бесцельно ищет развлечений.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Знакомство	4
Узнай меня ещё лучше	6
Ещё лучше	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Роман Сидоркин

Моя посессия

Знакомство

Всю жизнь я ощущал, что не принадлежу этому миру, как будто садовник воткнул кактус посреди грядки с клубникой. Однако, никто из тех, кто меня знает, не сказал бы, что я как-то ярко выделяюсь на фоне своих сверстников. Никакими выдающимися способностями я не обладаю. Нет, с виду я обычный подросток: ни третьего глаза, ни когтей на пальцах, ни даже хвоста у меня нет. Что тогда меня выделяет на фоне других? Может это мания величия и избранности? Нет. Меня выделяет моя чувствительность. Ты скажешь: «Да он пидор какой-то!», но что особо странного в том, что у парня чувствительная психика, спрошу тебя я? И Николай Гоголь, и Сальвадор Дали были крайне восприимчивыми к внешним и внутренним волнениям. Особенно Гоголь. Говорят, он часто падал в обмороки и один из них оказался настолько глубоким, что его похоронили заживо.

Вот, о чём я? Мне кажется, никто не видит мир так, как я. Это сродни аутизму, когда мозг улавливает десятки мелких деталей одновременно, вынуждая тебя реагировать одним из двух способов: замыкаться в себе или проявлять бес-

смысленную агрессию.

Но я и тут отличаюсь от остальных: я сочетаю обе эти реакции.

Периодически я замыкаюсь и существую абсолютно как растение: только дышу и ем, а порой совершаю безумные, даже жестокие поступки. От внезапного приступа злости я могу ударить девушку ногой в живот, но порой могу подойти со спины и нежно поцеловать в шею. Это сложно понять, но нервная энергия, скопившаяся внутри перегруженного восприятиями мозга, требует мгновенного выхода.

Какого сорта детали я замечал? Да хоть поведение своих сверстников. Люди с детства учатся прикрывать свои личные амбиции общественным интересом: парни демонстрируют свою мужественность, стремясь говорить коротко и грубо, агрессивовать, где только можно и где нельзя. Проявляя опеку над девушкой, когда она в ней объективно не нуждается, например. Или, к примеру, учитель требует полного подчинения, желая проявить свою власть и только ради этого, а не ради эффективной передачи знаний своим подопечным. Я вижу в окружающих животных, и меня злит, что большинство из них думает, что они руководствуются какими-то идеями или общественным благом. Ну, либо не думают вообще. Я вижу то, что видят психологи высочайшего класса, но в отличие от них, я не могу защищать себя, ведь я подросток, и груз этих знаний для меня губителен.

Да, я – не обычный парень.

Узнай меня ещё лучше

На том этапе моего развития, когда моя особенность ещё не оказалась прикрыта умением надевать маски и кривляться перед людьми, изображая обыкновенного горожанина, я, как мне казалось, нашёл способ, оставаться собой.

Субкультура.

Ну, как бы не сложно догадаться, что человек с трудностями в общении выберет что-то радикально отталкивающее, а не клуб любителей розовых пони. Хотя, по мне, готическая культура – это самое красивое и совершенное, что произвело человечество, но не будем о вкусах.

В начале было трудно: ну родители там, все дела. Когда одеваешься в чёрную кожу и носишь блестящие побрякушки, твои близкие точно не будут в восторге, не говоря уже обо всяких старушках на улице. Но я это не к тому, что у меня возникли серьёзные проблемы. Просто поначалу я чувствовал себя неловко.

Я стал спокойнее.

На взгляд тупого школьного психолога.

Это стало поворотом в моей судьбе. Мы собирались, тусовались в квартирах, иногда ходили в лес. Меня забавляло, как прохожие шарахались от нашей небольшой группы. В головах людей гот – всё равно, что сатанист, а сатанист –

то же, что и психи, которые режут козлов и вызывают демонов. Но мне некогда рассказывать о разнице между ними. В общем, как это бывает, когда тебе плохо с одними людьми, ты ищешь компанию других – с которыми хорошо. Правда, в большинстве случаев ты страдаешь не из-за них, а из-за себя, но тогда я этого не понимал.

Что мы делали на таких вечеринках? Да то же, что и обычные подростки на вписках: выпивали, выпендривались друг перед другом с той разницей, что в середине готов «выпендриться» значит сделать как можно более холодное и страдающее лицо, перекидывались циничными, жёсткими фразами, которые любят все подростки, трахались. Вопреки общему мнению, что наряженные в тёмные вещи люди – это какие-то отморозки, практикующие беспорядочную половую жизнь, в нашей среде такое явление встречается гораздо реже, чем среди «попсовых». Здесь царят более пуританские нравы относительно секса, хотя попадаются и безбашенные экземпляры, готовые спать с кем угодно, у кого на браслетах или плечах торчат шипы. Мне такие не нравились.

Была одна девушка – Настя, она предпочитала, чтобы её называли другим именем, но я не так сильно увлёкся всем этим, чтобы писать его тут. Она мне дико нравилась, и какое-то время мы оба ходили вокруг да около, пока у нас не произошёл первый поцелуй на Лужковом мосту, между Третьяковкой и памятником «Дети – жертвы пороков взрослых».

Секс случился спонтанно: просто внутри стало как-то тепло, а руки наоборот похолодели от страха. Я был её первым парнем, о чём узнал уже после того, как мы рассоединились и лежали на кровати в квартире её подруги. Я увидел кровь на постельном белье. Ничего отвратительного мы не делали, то есть не мазали друг друга и не пели языческие песни, хотя эти кровавые простыни в атмосфере готического символизма и наши первые подростковые отношения, которых не было бы, не будь мы теми, кем мы тогда стремились казаться, дали нам чувство такой безграничной свободы без условностей и всего рационального и ограниченного, что мы засмеялись от счастья, глядя друг другу в глаза. Ну и в дополнение: я, как парень, почувствовал себя готическим принцем, для этого было всё: кровь, черепа и красивая девушка рядом на кровати.

Со временем простое совместное проведение времени стало заполняться более ощутимыми и порочными практиками: больше алкоголя, появился табак. Смотря в прошлое, я понимаю, что, внутренне мы ничем не отличались от других детей, только, по каким-то причинам, нам было не комфортно в общей среде. Может, некоторым нравится чувствовать себя, в каком-то смысле, избранными или что-то навряд этого. Судя по поведению некоторых – так оно и есть. Но то другие, а я говорю про себя.

В тот момент я просто испытывал наслаждение от эстетики, которой мы себя окружили: этот мрак, загадочные лица,

недоговорённости, чувство некого единства – всё это заняло меня. Мои периодические нервные импульсы, прорывавшиеся в жестокости к окружающим, затихли, я словно плыл в наркотическом тумане, который создаёт любая организованная эстетика.

Внутри нашей группы, это около 8-12 человек, как это всегда бывает, были более радикальные ребята, которые видимо решили, что раз они одеваются во всё чёрное, значит они должны заниматься чёрной магией. Вообще, всё наше маленькое сообщество держалось на чувстве непохожести на остальных, а не на оккультных практиках – их попросту не было. Такие штуки, как спиритические доски и прочая символическая дребедень стали появляться со временем и источником этого был один человек – девочка по имени Акулина, которую все называли Акулой.

Ещё лучше

Поначалу Акула не обращала на себя внимания. Точнее, как... Обращала, но как раз тем, что ничего в ней особенного не было. Она не старалась *казаться*, как все остальные. «Готичным» в ней был разве что взгляд чёрных глаз, чудно контрастировавших с алебастрово-белой кожей. Даже странно. Я про себя назвал это «эффектом нуля» – это когда какое-то явление или человек настолько лишён всего, что может заинтересовать других, что это становится его уникальным свойством, которое как раз и обращает на него внимание, причём внимание куда более сильное, чем обычные признаки интересности.

Мы с Настей сидели, держась за руку, на одной из наших встреч. В комнате играла «Опиум для никого», горели большие свечи. Мне очень нравится запах воска, тут его было в избытке. Как всегда, на таких встречах я краем глаза посматривал на Акулу, мысль о ней часто забегала ко мне в голову, но я не мог ухватиться за неё. Я как будто стеснялся своей заинтересованности. Вокруг лениво ходили наши знакомые. Вообще, приятно посидеть, ничего не делая, в компании единомышленников. Акулина вдруг вытащила доску. Ту самую, спиритическую доску, о которой я упоминал. «Почему нет?» – подумали все – это забавно.

Странно, в тот момент мне показалось, что самой Акуле

манипуляции с доской неинтересны, но я толком её не знал, поэтому не мог понять, что творится у неё в голове. За каким-то чёртом и я взялся за эту штуку. В тот же момент Акулины руки оказались на моих. Я поднял глаза вверх, и они встретились с её чёрными, непроницаемыми глазами. На секунду мне показалось, что она гораздо больше, чем её тело, как будто передо мной стоит раздутая громадина и с запрятанной ненавистью смотрит мне в душу. Но это была секунда. Она улыбнулась и стала водить моими руками. Ладони вспотели. Почему-то мне казалось, что мои руки ходят сами, что ни я, ни она не двигаем эту доску, что она ходит сама.

Потом я испытал такой жгучий стыд, которого не испытывал даже когда мать застучала меня во время свидания моей руки и подрастающего фаллоса в 13 лет. Вокруг нас были люди, тут сидела моя девушка. В том, что Акула проделала было что-то неприличное, что нельзя делать при всех, хотя не могу сказать, что именно это было. Внешне всё выглядело так, как будто она просто помогла мне совладать со спиритической доской, но на самом деле за этим стояло нечто другое, и все это почувствовали. Я боялся посмотреть на Настю. Её лицо было красным от злости и расстроенным. В тот момент мне дико хотелось извиниться, хотя это и было глупо, ведь формально я ничего не сделал.

Всё, что было известно об Акуле на тот момент – это то, что она переехала сюда недавно из Одессы, её родители были вроде бы учителями, но где именно и чему они учат никто

не знал.

После того случая я начал ощущать в себе изменения. Мой характер стал грубее и жёстче. Порой мне казалось, что я говорю таким голосом, как будто мне в глотку вставили рога для призыва древней армии к битве. Агрессивность снова вернулась ко мне, но теперь не в виде той импульсивной подростковости, а в виде постоянного, злого давления на окружающих с целью подавить их волю и заставить слушаться себя. Это, кстати, касалось и моих родителей. Я стал злым. В самом буквальном смысле этого слова.

И ещё, что странно: я страдал. Казалось бы: я стал воплощением того, что называют старым словом «мужик» – об этом в тайне мечтают многие парни, им хочется казаться больше, страшнее. Но внутри меня разгорался какой-то огонь, я не мог не быть тем, кем я становился: внутренний жар, постоянная потребность в чём-то неизвестном мне, постепенно охватывал мои органы, я осознавал, что мои решения постепенно перестают быть моими, хотя все они были направлены на реализацию моих тайных желаний.

Настя простила меня. Некоторое время после случая с Акулой, ей нравились изменения во мне, когда я раздутый изнутри самоуверенностью в себе, шёл рядом с ней, при всех держа её за руку, говорил грубым голосом, что делать и даже во что одеваться. Мне нравились подчёркнуто сексуальные девушки, а Настя одевалась довольно закрыто, и я

раньше ни о чём таком не просил её. Теперь я стал требовать, чтобы она носила только то, что подчёркивало её длинные, худые ноги, дерзкий, упругий бюст. По идее, когда она исполняла такие просьбы, я должен был быть рад, но по факту внутри лишь нарастал жар раздуваемого чем-то или кем-то горна. Она уступала и мне хотелось ещё.

Всё казалось бессмысленным. Но в отличие от предыдущего подросткового нигилизма, когда молодым людям всё кажется бессмысленным лишь из-за стеснения, из-за неустроенности своей, уже жаждущей чего-то, но пока не законченной личности, теперь во мне была жажда обладания всем и желание втоптать всё в мусор, если оно не принадлежит мне.

Через пару недель Настя начала ходить с опущенными глазами. Всё время была бледной и как будто стремилась избегать встреч, хотя и улыбалась мне. В какой-то момент я спросил её об этом.

– Ты как-то поменялся... – сказала она, отведя глаза – стал другим. Всё, что мне нравилось в тебе: твоя доброта... Даже застенчивость – всё как-то резко исчезло.

– Ты больше не любишь меня?! – резко, даже слишком, спросил я.

– Люблю. Очень люблю. Но я не понимаю... Как будто ты есть ты, но внутри тебя что-то... Другое. Твоё лицо, твой голос – всё твоё, но оно стало как-то по-другому играть, понимаешь?

Её лицо было бледным с розовыми пятнами, глаза были заискивающими и грустными. От этого меня разобрало зло.

– Ты – шлюха! – выкрикнул я – Ты с кем-то трахаешься, раздвигаешь свои ножки для какого-то лоха, поэтому тебе всё кажется каким-то другим! Новые ощущения, говоришь, шмара?! – тут меня ослепила волна небывалой раньше ярости, не могла же она так говорить, потому что я плохой – Вот твои ощущения!

Я ударил её в скулу кулаком.

Сладкая история подростковой любви обернулась brutальным разрывом, и я сам не понял, как это произошло.

Следующим моим шагом в тот день был звонок Акуле. Это был единственный, как мне чудилось, правильный поступок после разрыва с Настей.

Я завалился к ней домой, как будто пьяный. Внутри всё горело, хотелось чего-то, что затопит это пламя. Как жаждущий в пустыне идёт к любому миражу, так и я пришёл к этой почти незнакомой девушке в надежде, что она даст мне то, что мне было нужно. Только мне не было известно, что это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.